

ПРОЦЕСС И КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI

Приведено по:

ПИСЬМА о ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

составитель Г. Ландауэр

Пер. с нем. с предисл. проф. И.Бороздина.

М.: Прометей. 1926. Т.1

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

Из предисловия И.Бороздина к русскому изданию

Корреспонденция Людовика XVI является немаловажным источником для уяснения его личности и деятельности в предреволюционные и революционные годы. Бездарный, ограниченный, не чуткий и малосведущий в государственных делах, Людовик XVI так и вырисовывается в своей переписке. Если он и награжден семейными добродетелями (что, пожалуй, редкость для короля, да еще французского), то все же от этого не следует приходить в особое умиление. Точно также серьезнее надо присмотреться к завещанию, к которому и Ландауэр призывает отнестись критически. Приведенные Ландауэром письма не дают полного представления о линии поведения короля во время революции. Не ясен как-то и вопрос об измене короля, о которой, впрочем, упоминается в других приводимых Ландауэром отрывках. Между тем это вопрос кардинальный и в первую очередь характеризующий короля. Многие историки слишком преувеличивают, изображая Людовика XVI исключительно растерянным, нерешительным, апатичным, даже находящимся в состоянии нравственного и умственного онемения. «Не по своей инициативе, - пишет профессор Тарле, - Людовик XVI решился на бегство и сел в карету, которая повезла его к границе; машинально ел он персик в Законодательном собрании 10 августа 1792 г., в день падения монархии; совершенно апатично выслушал он приговор, отправивший его на гильотину».¹ Такого рода характеристика грешит известной односторонностью. Данные различного рода, в том числе и переписка, могут привести к несколько иным, не столь категорическим выводам.

Король вовсе не был так апатичен и систематически растерян, он, когда это было нужно, гнул определенную линию и, маневрируя даже не без некоторой ловкости, старался усыпить бдительность деятелей революции и лиц, ей сочувствующих. С самого начала, не приняв по самому существу революции, король, нередко внешне вынужденный ее официально патронировать, определенно искал всяческих способов ее раздавить. Когда пропала надежда на возможность внутренней расправы своими силами, Людовик все упования возлагает на помощь извне, на иностранное вмешательство. И вот начинает плестись паутина, где наряду с супругой действовал и сам король. Вряд ли здесь он был только апатичен!

Присмотримся несколько подробнее к той контрреволюционной игре, которую король особенно интенсивно повел с 1790 года. С трудом мирился он с навязанными ему Лафайетом министрами, видя здесь нарушение конституции, по которой монарху предоставлялось право свободно выбирать своих ближайших советников. Между королем и «герою двух частей света», никогда не относившихся восторженно друг к другу, пробегает черная кошка. 20 октября (1790 г.) король принял одного из эмигрантов первых дней, епископа Агу, вернувшегося из Швейцарии, и дал ему и барону Бретейлю полномочия вести от его имени переговоры с иностранными дворами с целью интервенции и восстановления «законной власти». План Людовика весьма несложен: он будет всячески усыплять бдительность революционеров кажущимся исполнением их желаний, но в то же время всячески будет тормозить все реформационные начинания. После долгих проволочек, дав свою подпись на декрете о присяге, король воскликнул в кругу своих приближенных: «Я предпочел бы быть королем Меца, чем оставаться королем Франции в таком положении, но этому скоро будет конец».

Людовик является противником отдельных частичных восстаний и не одобряет слишком агрессивную политику своего брата графа д'Артуа; главное упование король возлагает на иностранное вмешательство. Бретейль, выполняя поручение своего господина, пытался привлечь в священную монархическую лигу кроме папы и австрийского императора еще и Россию, Испанию, Сардинию, Данию и Швецию. На вмешательство Англии и Пруссии вначале мало возлагалось надежды. Однако с Англией велись переговоры, причем предполагалось дать ей территориальные компенсации. Но австрийский император, долженствовавший по плану играть главную роль зачинателя, затягивал переговоры.

Дело стало получать огласку. В декабре 1790 года демократически газеты «Друг народа» Марата и «Революция Парижа» Прюдома заговорили о близком беге короля. Аббат Фоше закончил одну из своих речей в клубе «Друга истины» следующими, вызвавшими одобрение словами: «Тираны созрели». Отъезд теток короля в Рим (февраль 1791 года) вызвал новый взрыв газетной кампании: «Мы ведем войну с врагами революции, - писал Марат, - надо держать этих ханжей в качестве заложников и подвергнуть тройной охране остальную семью».

Людовик продолжал обманывать революцию. Он официально обратился к европейским дворам с заявлением, что признает завоевания революции, но в то же время секретно просил не верить его публичному выступлению. Он просил денег у австрийского императора; после отказа занял у банкиров и сделал попытку бежать.²

Бегство не удалось, и король со всей семьей был возвращен в тюрьму. Это явное проявление изменнических замыслов «конституционного» монарха вызвало бурю негодования. Представители левой с силой обрушиваются на короля. Даже умеренные начинают поговаривать о республике, возглавляемые спасительным генералом Лафайетом. Марат, Робеспьер и Дантон не жалели красок в изображении поведения короля. Даже «великий политик» госпожа Ролан так резко отзывается о «коронованном разбойнике» в одном из писем, приведенных Ландауэром: «Что предпринять с ними? Странная проблема. Мне думается, что королевскую куклу надо было бы подвергнуть домашнему аресту, а жену его надо бы прикончить».

Но крупная буржуазия, игравшая доминирующую роль в представительных собраниях, не хотела расставаться с куклой. Людовик продолжает свою линию поведения. В начале декабря он пишет в послании к прусскому королю Фридриху Вильгельму следующее: «Я обратился к императору, императрице российской, к королям испанскому и шведскому и развиваю им идею о конгрессе главных европейских держав, поддерживаемом вооруженной силой, как лучшем способе подавить здесь мятежников, установить более желательный порядок вещей и помешать тому, чтобы удручающее нас зло проникло в другие государства Европы». Когда король прусский, настроенный отнюдь не идеалистически, запросил денег, Людовик обещал выплатить из личных средств.

14 декабря король торжественно заявил в Законодательном собрании, что «будучи представителем народа, он почувствовал нанесение ему оскорбления» тем, что в Майнцском и Трирском курфюршествах собираются вооруженные скопища. Вернувшись после этой лицемерной речи домой, король повелел Бретейлю предупредить императора и других государей, чтобы курфюрсты не считались с его ультиматумом, достаточно цинично мотивируя это следующим: «партия революции слишком возгордилась бы в противном случае, и этот успех дал бы машине продержаться еще некоторое время». Он снова настойчиво требует вооруженного вмешательства держав: «Вместо гражданской войны это будет война политическая, и положение в результате этого будет гораздо лучше... физическое и моральное состояние Франции таково, что ей невозможно выдержать в этой войне и полкампании, но надо, чтобы казалось, что я искренне иду на это, так, как я это сделал бы в прежние времена... Мое поведение должно быть таково, чтобы в несчастье нация видела единственное спасение во мне». Документ достаточно красноречивый и во всяком случае менее всего свидетельствующий об апатии и равнодушии короля. Нет, трафаретное изображение Людовика нуждается в коррективах. Надо, однако, сказать, что выборка отрывков из переписки короля у Ландауэра сделана недостаточно удачно. (Напр., цитируемые выше весьма примечательные отрывки не использованы Ландауэром.) Это - одно из уязвимых мест сборника.

¹ Е.В.Тарле. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 1924. Стр.40.

² Трудно сказать, каково непосредственное участие короля в этом займе, которые делал на свое имя граф А. Ферзен.

Из предисловия Г. Ландауэра

Взаимоотношения Революции и короля придали Революции особую окраску, но нет сомнения, что в своих письмах и в своем завещании он обрисовывается таким, каким он не мог бы быть без революции: в незначительной степени активный, в высшей степени пассивный; в конечном итоге, нельзя не признать и его значения, как представителя Революции по контрасту.

На самом деле, в сущности, он принадлежит к тем людям, которые так бурно или страстно отбрасываются революцией в противоположном направлении или в нем так сильно укрепляются, что их можно причислить к представителям Революции по контрасту; такие, как Шатобриан или де Местр, принадлежат к позднейшей эпохе, о которой здесь не идет речь; однако Вандея, напр., создала подобных мужчин и женщин, и если бы я нашел письма, достойные внимания, уместно было бы вполне их здесь привести.

Источник: *Correspondance politique et confidentielle inedite de Louis XVI avec des observations par H?ne-Maria Williams, 2 vols. Paris, Год XI - 1803. Captiv? et derniers moments de Louis XVI, publ. Par marquis de Beaucourt. 2 vols. Paris, 1892.*

Людовик XVI

Малербу

Ле Тампль

Мне недостает слов, мой милый Малерб, чтобы выразить Вам, как тронут я Вашей удивительной верностью. Вы предвосхитили мои желания: Ваша восьмидесятилетняя рука¹ протянулась ко мне, чтобы оттащить меня от эшафота; если бы я еще сидел на своем престоле, то я должен был бы разделить его с Вами, чтобы оказаться достойным оставшейся половины, но у меня только цепи, которые Вы облегчите тем, что поможете мне снести их; только небо и Ваше собственное сердце могут принести Вам за это благодарность.

Я не заблуждаюсь по поводу своей судьбы; неблагодарные, лишившие меня престола, не остановятся на полпути; они должны были бы слишком краснеть, постоянно видя перед глазами свою жертву. Меня ждет участь короля Карла I, и кровь моя потечет в наказание за то, что я никогда ее не проливал.

Но неужели нет возможности облагородить мои последние мгновения? Национальное собрание скрывает в своих недрах разорителей моей монархии, моих доносчиков, моих судей и, вероятно, моих палачей! Такие люди не поддаются просвещению, они не могут возвыситься до справедливости, и еще меньше можно их тронуть; не лучше ли было бы внести некоторую силу в мою защиту, так как слабость ее не спасет меня? По моему мнению, следовало бы обратиться не к конвенту, но ко всей Франции, которая судила бы моих судей и вернула бы мне в сердцах моих народов место, которое я никогда не заслуживал потерять.

Тогда моя роль в отношении меня лично ограничилась бы признанием некомпетентности трибунала, перед которым меня поставило насилие. Я сохранил бы тогда полное достоинство молчание, и люди, назвавшиеся моими судьями, были бы в случае моего осуждения, лишь моими убийцами.

Впрочем, милый Малерб, а также Тронше, разделяющий Вашу преданность, понимаете в этом больше, чем я: взвесьте в своей мудрости мои доводы и Ваши; я слепо подчиняюсь всему тому, что Вы предпримите; если Вы спасете эту жизнь, я сохраню ее для того, чтобы снова и снова напоминать Вам о Вашем благодеянии; если же ее возьмут у меня, мы с еще большей радостью встретимся в мире бессмертия.²

¹ Еще до того, как король узнал о предложении Малерба, он выразил желание иметь своими защитниками Тронше и Тарже; Тарже отказался; у двум оставшимся присоединился еще Десез.

² В письме, которое Малерб адресовал председателю Конвента, он, как читатель заметит, с сугубой осторожностью избегал таких выражений, как «король» или «его величество» ему, очевидно, было важно добиться своего. Но впоследствии, как он сам говорил, уже находясь в тюрьме, он не был уже более так осторожен. Когда король ожида допроса в Конвенте, депутат Трейяр слышал, как Малерб именовал Людовика XVI государем и величеством; Трейяр резко потребовал у него объяснений, чем вызвана эта смелость? Малерб ответил: «Презрением к вам и презрением к жизни». Такое чувство старец скоро имел возможность доказать. В декабре 1793 г. он был арестован вместе со своей дочерью, и затем он якобы принимал участие в заговоре против единства республики. 22 апреля 1794 г. он был казнен вместе со своей дочерью и многими неизвестными.

Людовик XVI - Исполнительному совету¹

20 января 1793 г.

Я требую отсрочки на три дня, чтобы подготовиться предстать перед богом; я требую, значит, чтобы мне дана была возможность говорить наедине с тем человеком, которого я назову комиссарам Коммуны, и чтобы этому человеку нечего было опасаться за выполнение надо мной акта милосердия.

Я требую, чтобы меня освободили от непрерывного нахождения под караулом, который был введен несколько дней тому назад Генеральным Советом.

Я требую, чтобы мне дана была возможность в эти промежутки видеть свою семью всегда, когда я это пожелаю, и при том без свидетелей.

Я желал бы, чтобы Национальный конвент немедленно занялся судьбой моей семьи и разрешил бы ей свободно и беспрепятственно удалиться туда, куда ей заблагорассудится.

Я взываю к благотворительности нации ко всем тем лицам, которые были привязаны ко мне; среди них много таких, которые израсходовали все свое имущество, служа мне, и которые, не получая содержания, терпят нужду; то же относится к тем, которые живут только на жалование; среди пансионеров имеются много стариков, женщин и детей, которые ничего другого для прожития не имеют.

Дано в башне Тампля двадцатого января тысяча семьсот девяносто третьего года.

Подписано: Людовик.

¹ Исполнительный совет во главе с министром юстиции отправился к Людовику XVI в Тампль для объявления ему приговора Конвента от 15-20 января. Заслушав его, Людовик передал настоящее заявление, высказавшись перед этим в духе поданного заявления. Заявление его было доложено в тот же день Конвенту.

Первое пожелание в отношении духовника было удовлетворено; также было удовлетворено и второе желание - встретиться со своей семьей без свидетелей. На остальные пункты Конвент частью совершенно не ответил, а частью дал резкие ответы; заботу о семье он может-де возложить на нацию, которая всегда была великодушной и справедливой; по поводу требования, относящегося к «кредиторам двора» Конвент принял мотивированную резолюцию: пусть заявят свои претензии, это право им предоставлено. По поводу важнейшего пункта об отсрочке приведения в исполнение приговора Конвент без прений перешел к порядку дня.

Клери – мадам Виж-Лебрен¹

Вена, 27 октября 1796 г.

Сударыня!

Совершенное знакомство с личностями августейшей семьи Людовика XVI, которым Вы обладаете, побудило меня сказать госпоже графине де Ромбек, что только Вы одна сумеете передать те душу раздирающие сцены, которые должна была пережить эта несчастная семья в течение своего заключения. Столь интересные события не должны затеряться для потомства, и только кисть в руках мадам Лебрен сумеет правдиво передать их.

Из этих сцен, полных печали, можно было бы остановиться на шести для изображения их на полотне.

1. Людовик XVI в своей тюрьме, окруженный своей семьей, преподает своим детям уроки по географии и литературе; королева и мадам Елизавета² заняты в эту минуту шитьем и починкой своих платьев.

2. Расставание короля со своим сыном 11-го декабря, день, когда король появился в Конвенте и был разлучен со своей семьей вплоть до кануна своей смерти.

3. Людовик XVI в башне на допросе у четырех членов Конвента, окруженный своими правозаступниками, господами де Малербом, Десезом и Тронше.

4. Исполнительный совет сообщает королю смертный приговор над ним; чтение этого декрета Грувелем.

5. Прощание короля со своей семьей накануне его смерти.

6. Отбытие его из башни для следования к месту казни.

Из этих событий момент прощания, в общем, пожалуй, тронет больше всего чуткие сердца.

В Англии появилась на эту тему гравюра, которая далека, однако, от истины, как в отношении сходства лиц, так и места.

Я хочу попытаться, милостивая государыня, сообщить Вам требуемые Вами детали для эскиза такой картины. Помещение, в котором происходила эта сцена, представляло собой комнату в 15 квадр. футов. Стена оклеена обоями с узорами, напоминающими кирпичную кладку, что придавало помещению сходство с внутренностью тюрьмы. Правее, недалеко от входной двери, имеется большое окно, и так как стена башни имеет толщину в девять футов, то окно находится в углублении длиной в восемь футов; оно, однако, уменьшается к наружной стене, где имеются очень толстые прутья и решетка. В этой оконной нише стоит изразцовая печь шириной в два с половиной фута и высотой в три с половиной фута; печная труба проходит под окном и находится по левую сторону ниши, и там, где она начинается, она приделана к стене. От окна до передней стены расстояние равно приблизительно восьми футам; около этой стены, вблизи печи, помещается аргандова лампы, освещающая весь зал. Сцена происходила ночью, то есть в девять часов вечера. Передняя стена имеет, пожалуй, длину в пятнадцать футов; ее разделяет двухстворчатая дверь, которая, однако, расположена более вправо. Эта дверь серого цвета; одна половина ее должна быть отперта, чтобы открывался вид на часть спальни; должна быть видна половина камина, находящегося напротив двери; над ним имеется зеркало, часть обоев из желтой бумаги, стул у камина, перед ним стол; на нем письменный прибор, перья, бумага и книги. Левая сторона зала отделена стеклянной перегородкой; на обоих концах имеются две стеклянные двери; за этой перегородкой имеется маленькая комната, служившая столовой. В этой комнате король, сидя и окруженный семьей, сделал им сообщение о своей последней воле. Должен быть запечатлен момент выхода из этой маленькой столовой, когда король подходит к входной двери, как бы для того, чтобы проводить свою уходящую семью, тем более что это и был самый скорбный момент.

Король стоял, держа правой рукой королеву, которая с трудом держалась на ногах; она прислонилась к правому плечу короля; правая рука королевы охватывает стоящего на той же стороне дофина и прижимает его к себе; он держит в своих маленьких ручках правую руку короля и левую руку королевы, целует и увлажняет ее своими слезами. Мадам Елизавета по левую сторону короля охватывает обеими руками его плечо и поднимает свои глаза, полные слез, к небу. Перед ней стоит мадам Ройяль, держит левую руку короля и наполняет комнату душераздирающими криками отчаяния.³ Пребывавший все время в спокойствии и величии король не пролил ни одной слезы, но, очевидно, жестоко страдал при виде мучений своей семьи. С нежнейшей интонацией в голосе, но полной искреннейшего чувства, он промолвил: «Я не говорю вам прощайте; будьте уверены, что я снова увижу вас завтра утром, в семь». – «Вы обещаете нам это?» - сказала королева, которая едва могла произнести слово. - «Да, я вам это обещаю, - ответил король, - до свидания.» В эту минуту удвоились плач и рыдания; мадам Ройяль упала почти без чувств к ногам короля и цеплялась за него; мадам Елизавета пыталась ей помочь. Король переживал борьбу, полную боли, с самим собой; он вырвался из их объятий и удалился в свою комнату. Так как я стоял около мадам Елизаветы, то в течение нескольких мгновений помогал этой принцессе в ее хлопотах с мадам Ройяль, но мне не позволили следовать за ними, и я вернулся к королю. Во время этой сцены четыре муниципальных чиновника, из которых двое были одеты весьма плохо и со шляпами на головах, стояли неподвижно в оконной нише и грелись у печи. Они носили трехцветную ленту с кокардой посередине.

На короле был коричнево-красчатый сюртук и воротник такого же цвета, белый жилет из марсельского пике, штаны до колен из серого кашемирского сукна и шелковые серые чулки, золотые, но весьма простые пряжки на туфлях, муслиновый воротничок рубашки, волосы несколько напудрены, разделенные на двое или трое локонов, коротко остриженные волосы спереди, слишком уж отросшие волосы на затылке собраны в узел.

На королеве, мадам Ройяль и мадам Елизавете были платья из белого муслина, очень простые батистовые косынки, совершенно одинаковые чепчики в складках. Обрамленные маленьким кружевом, кружевная косынка поверх чепчика в форме «мармотки».⁴

На молодом принце был сюртук из серо-зеленого кашемира, штаны такого же цвета, короткий жилет из белого бархата в полоску, сюртук оставлял шею широко открытой и был отвернут, гладкий воротничок рубашки лежал на воротнике сюртука, жабо в складку из батиста, черные туфли были зашнурованы бантами, светлые волосы без пудры небрежно ниспадали назад в локонах над лбом и по бокам, сзади связаны косой, спереди лежали свободно и без пудры. Волосы королевы были почти совершенно белы, волосы мадам Ройяль красивого светлого цвета, и волосы мадам Елизаветы тоже светлые, но несколько темнее.

Таковы примерно подробности, сударыня, которые я могу сообщить Вам для такого эскиза; если они не удовлетворят Вашим желаниям, то благоволите предложить мне дальнейшие вопросы, и я попытаюсь ответить на них. Я должен просить Вас еще об одной любезности, а именно, чтобы все эти детали остались между нами. Так как я записал и намерен издать все это, я не хотел бы, чтобы эти подробности стали известны до появления их в печати. Я надеюсь, что когда-нибудь Вы снова приедете сюда; и если Вы пожелаете зарисовать другие картины из ряда этих нескольких происшествий, то я буду очень рад быть Вам чем-нибудь полезным.⁵

© Vive Liberta

¹ Клери (1759-1809) был камердинером при дворе Людовика XVI. 10 августа он спасся, выпрыгнув из окна; 24 августа он явился добровольно и заявил о своем желании быть заключенным вместе с королем, чтобы обслуживать его. Это предложение было принято. 1 марта 1793 года он был выпущен на свободу, а 4-го снова арестован и находился в заключении целый год в ожидании смерти. 22 термидора II года (9 августа 1794 г.) он был освобожден. После освобождения дочери Людовика XVI (м-м Ройяль) он отправился в Вену, а затем в Верону к Мосье (Людовик XVIII). Клери известен не только своей верностью, но и своими необычайно интересными воспоминаниями о пребывании Людовика XVI в Тампле, опубликованными в Лондоне в 1798 г. Художница Виже-Лебрен жила от 1735 г. до 1842 г.

² Сестра короля, 10-ю годами моложе его, гильотинирована 10 мая 1794 года.

³ Этой единственной оставшейся в живых дочери короля и королевы было тогда 14 лет. До своего 17-летнего возраста (конец 1795) она оставалась в тюрьме.

⁴ При «мармотке» один конец ниспадает назад, два других завязываются под подбородком.

⁵ Мадам Лебрен, опубликовавшая это письмо в своих мемуарах, говорила, что сообщение это ее так расстроило, что она не была в состоянии написать ни одной картины.

Доклад Жака Ру ¹

21 января 1793 г.

Мы представляем Вам отчет об исполнении возложенного на нас поручения.

Мы отправились в Тампль; там мы объявили тирану, что настал час казни.

Он потребовал о предоставлении ему нескольких минут для беседы с исповедником. Он хотел было вручить нам пакетик для передачи вам; мы ответили, что имеем поручение лишь доставить его к эшафоту. Он ответил: «Это правильно». Он отдал пакетик одному из наших коллег.² Он просил передать поклон его семье и выразил желание, чтобы его камердинер Клери и стал камердинером *королевы*, затем он быстро поправился и сказал: *моей жены*. Кроме того, он просил, чтобы не были забыты и его прежние слуги в Версале. Он сказал Сантеру: «Пойдем». Через один двор он прошел пешком, а во втором сел в карету. По пути царило глубочайшее молчание.

Не произошло никаких инцидентов. Мы зашли в контору морского министерства, чтобы составить протокол о казни. До гильотины мы не сводили глаз с Капета.³ Он прибыл в девять часов десять минут; три минуты потребовалось на то, чтобы выйти из кареты. Он хотел говорить народу. Сантер не допустил этого. Голова его пала. Граждане погружали свои пики и носовые платки в его кровь.

После составления протокола мы отправились во временный Исполнительный совет, занятый в настоящее время производством по поводу убийцы Сен-Фаржо,⁴ мы спешили с составлением вам отчета.

¹ Жак Ру и Жак Клод Бернар, муниципальные чиновники и комиссары общинного управления, имели поручение сопровождать Людовика к месту казни; здесь они докладывают об этом Коммуне. [Жак Ру \(1759-1794\)](#) был священником, жил в нищете в Париже и проповедовал рабочим и даже выступил раз в Конвенте 25 июня 1793 г. с проповедью весьма несуразного коммунизма. Недолгое время он издавал журнал «Тень Марата». Такими действиями он навлек на себя враждебное отношение со стороны Робеспьера, предстал в конце концов перед Революционным трибуналом, где он нанес себе пять ранений кинжалом и умер от них вскоре, в феврале 1794 г.

² Пакет содержал завещание Людовика.

³ Казнь была совершена на площади Революции, прежней площади Людовика XV: эшафот стоял между памятником Людовику XV и Елисейскими полями. На площади, на углу улицы Революции находилось Морское министерство; из окна этого здания муниципальные чиновники следили за процедурой казни.

⁴ [Сен-Фаржо](#) был убит роялистами за то, что в Конвенте голосовал за казнь короля.

Палач Сансон – гражданину редактору газеты «Термометр» в Париже

*Париж, 20 февраля 1793 г.
Год II французской Республики*

Гражданин,

На короткое время я был в отъезде, и это послужило причиной, почему я не имел чести принять приглашение, с которым Вы обратились ко мне в Вашей газете по поводу Людовика Капета. Ниже я, согласно своему обещанию, даю точное и правдивое изложение по поводу случившегося.

Когда он вышел из кареты, чтобы направиться на казнь, ему сказали, что он должен снять сюртук; он стал возражать, говоря, что его можно казнить так, как он есть. Когда ему доказали, что это невозможная вещь, он сам помог снять свой сюртук. Затем он снова стал возражать, когда нужно было связать ему руки, но он сам их протянул, когда сопровождающее его лицо¹ ему сказала, что это последняя жертва. Затем он спросил, будут ли барабанщики непрерывно бить в барабаны; ему ответили, что не знают этого. И это была суцая правда. Он поднялся на помост и сделал движение броситься вперед, чтобы говорить. Но ему стали доказывать, что это невозможная вещь. Он дал себя отвести на место, где его связали, и там он крикнул очень громко: «Народ, я умираю невиновным». Затем он повернулся к нам и сказал: «господа, я невиновен во всем том, в чем меня обвиняют. Я желаю, чтобы моя кровь спаяла счастье французов». Это, граждане, его последние и подлинные слова.

Маленький спор, имевший место у подножия эшафота, был следствием того, что он не считал необходимым, чтобы у него сняли сюртук и завязали руки. Он предложил также, чтобы он сам себе остриг волосы.

Чтобы отдать дань справедливости, он совершил все это с хладнокровием и со стойкостью, которые нас поразили. Я совершенно убежден, что он почерпал эту стойкость в принципах веры, которыми, казалось, никто не был проникнут больше его или в которых никто не был сильнее убежден, чем он.

Будьте уверены, граждане, что Вы здесь имеете истину в ее полном освещении.

Имею честь, граждане, быть
Вашим согражданином
Сансон.

¹ Аббат Эджеворт (1745-1807), не принявший присягу, был в последнее время до 10 августа исповедником короля; он скрывался, получил затем разрешение подготовить короля к смерти и сопровождать его на казнь. Он ожидал ареста и смерти; ему удалось бежать.

Завещание Людовика XVI

Во имя пресвятой троицы, отца и сына и пресвятого духа. Сегодня двадцать пятого дня, декабря месяца, тысяча семьсот девяносто второго года, объявляю я, именуемый Людовиком XVI, король Франции, заключенный по воле тех, которые были моими подданными, в Париже в башне Тампля, уже более четырех месяцев, лишенный всякого общения с одиннадцатого сего месяца даже со своей семьей; будучи, кроме сего, замешан в процессе, исход коего из-за человеческих страстей никоим образом не может быть предвиден и на который ни в одном из существующих законов не имеется положений; имея только бога свидетелем своих мыслей и никого, кроме него, к кому я мог бы обратиться, я пред его лицом объявляю свою последнюю волю и свое убеждение.

Я завещаю свою душу богу, моему создателю; я прошу его принять ее в милосердии, судить ее не по ее заслугам. А по заслугам нашего господ Иисуса Христа, который принес себя в жертву господу своему отцу за нас, людей, как бы недостойны этого мы не были, а в особенности я.

Я умираю в лоне нашей святой матери католической, апостольской и римской церкви, которая получила свое установление преемственно от святого Петра, по завету Иисуса Христа. Я твердо верую и признаю все, что содержится в апостольском вероисповедании и в заповедях божьих и в церкви, в таинства и чудеса, как учит и всегда учила католическая церковь. Я никогда не претендовал на роль судьи по поводу истолкования различных догм, которыми нарушено единство церкви Иисуса Христа, но я всегда держался и буду держаться, если бог даст мне жизнь, и в дальнейшем тех решений, которые будут даны князьями церкви, посвятившими себя святой католической церкви, в соответствии с правилами церкви, установленными со времен Христа. Я от всей души оплакиваю своих братьев, пребывающих в заблуждении; но я не претендую на то, чтобы быть их судьей и, тем не менее, люблю их всех во Иисусе Христе, как нас тому учит христианская любовь.

Я прошу бога простить мне все мои грехи; я пытался точно изучить их, возненавидеть их и смириться перед его лицом. Так как я лишен возможности пользоваться помощью католического духовника, я прошу бога принять от меня исповедь, а прежде всего мое глубокое раскаяние в том, что я подписал свое имя (хотя это и свершилось помимо моей воли) под документами, которые могли стоять в противоречии с правилами и верой католической церкви, с которой я в сердце своем всегда искренне был связан. Я прошу бога принять мое твердое решение в случае. Если он дарует мне жизнь, как только мне будет дана возможность воспользоваться помощью католического духовника, для исповедания перед ним во всех моих грехах и для принятия от него св. причастия.

Всех тех, которых я, быть может, нечаянно обидел (ибо я не помню, чтобы я сознательно обидел кого-нибудь) или тех, кому я подал дурной пример или доставил огорчение, я прошу простить мне то зло, которое я, по их мнению, сотворил.

Я прошу все милосердные души соединить свои молитвы с моими, чтобы испросить у бога прощения за мои грехи.

Я от всего сердца прощаю тех, которые сделали моими врагами без моей на то вины; и я прошу бога простить их, а также тех, которые своим ложным или неправильно понятым рвением причинили мне много зла.

Я завещаю богу мою жену и моих детей, мою сестру, моих теток, моих братьев и всех тех, которые соединены со мной узами родства или какими бы то ни было иными узами; и прошу бога в особенности не оставить своим милосердием мою жену, моих детей и мою сестру, которые давно уже страдают вместе со мной, оказать им милостивую поддержку, если они потеряют меня, пока они проживут в этом преходящем мире.

Мою жену я прошу любить моих детей; я никогда не сомневался в ее материнской нежности к ним; я в особенности завещаю ей сделать их добрыми христианами и благородными людьми, показать им прелести этого мира (если им суждено будет их узнать) в свете опасного и брэнного достояния и обратить их взоры на единственно постоянную и длительную славу, на вечность. Я прошу мою сестру перенести свое нежное чувство на моих детей и стать им матерью, если их постигнет несчастье потерять их мать.

Я прошу мою жену простить мне все страдания, которые она перенесла ради меня, и все горести, которые я доставил ей за время нашей общей жизни, так же как и она может быть уверена, что я ничего не таю против нее в своем сердце, если она, быть может, думает, что должна себя упрекнуть в чем-либо.

Я настоятельно завещаю моим детям наряду с обязанностями перед богом, которые должны быть впереди всего, жить всегда в дружбе и согласии, в почитании и почтении к матери в благодарности за все страдания и хлопоты, которыми она окружает их, и не предать забвению память обо мне. Я прошу их смотреть на мою сестру как на их вторую мать.

Я завещаю своему сыну, если его постигнет несчастье стать королем, думать о том, что он должен отдать всего себя ради счастья своих сограждан, что он должен забыть свою ненависть и злобу и в первую очередь то, что имеет отношение к несчастью и страданиям, которые претерпеваю я; что он сможет восстановить счастье народов только тогда, если будет править по законам; но пусть он не забывает, что король только тогда может пользоваться должным уважением и претворить в жизнь добро, которое он таит в своем сердце, если он пользуется необходимым авторитетом, и что в противном случае он связан в своих действиях и, не внушая уважения, приносит больше вреда, чем пользы.

Я завещаю моему сыну заботиться о всех тех людях, которые были связаны со мной, поскольку обстоятельства, в которых он будет находиться, дадут ему такую возможность; помнить о том, что это является священной обязанностью, которую я несу по отношению к детям или родителям тех, которые умерли ради меня, а также лиц, которые стали несчастными из-за меня. Я знаю, что некоторые из них, связанные ранее со мной, поступили по отношению ко мне не так, как следовало бы, но я прощаю их (ведь часто в моменты страсти или волнения не владеешь собой), и я прошу моего сына, если ему представится возможность, думать только об их несчастьи.

Я желаю здесь высказать свою благодарность тем лицам, которые доказали свою истинную преданность и бескорыстие по отношению ко мне. Если, с одной стороны, я и чувствительно был затронут неблагодарностью и вероломством людей, которым я никогда не делал ничего иного, кроме добра, как им, так и их родным и друзьям. То, с другой, я имел утешение видеть привязанность и самоотверженное участие многих людей. Я прошу их за это принять мою глубокую благодарность. При теперешних обстоятельствах я не могу пространно говорить об этом, не подвергая их опасности, но я настоятельно прошу моего сына искать возможность отплатить им.

Я, однако, думаю, что сказанное будет клеветой по отношению к нации, если я открыто не буду просить моего сына относительно господ Шамильи и Хю, истинная привязанность которых ко мне довела до того, что они дали заключить себя совместно со мной в этом месте печали и согласились стать несчастными жертвами этого. Также прошу я его и относительно Клери, заботливость которого я должен отметить, особенно в тех пор, как он со мной; так как он остается со мной до конца, то я прошу господ из Коммуны отдать ему мое платье, мои книги, мои часы, мой кошелек и прочую мелочь, которые сданы в Совете Коммуны.

Я охотно прощаю также и тех, которые караулили меня, за их плохое обращение и пытки, которым они считали нужным подвергать меня. Я встретил несколько чутких и сострадательных людей; да возрадутся они в своих сердцах тем миром, которым они будут вознаграждены за их образ мысли.

Я прошу господ де Малерба, Тронше и Десеца принять за все их заботы и труды, которыми они окружали меня, мою благодарность и выражение моего умиления.

Я кончаю, объявляя именем бога, готовый предстать перед ним, что я не могу упрекнуть себя ни в одном их тех преступлений, которые выдвинули против меня.

Дано в двух экземплярах в башне Тампля 25 декабря 1792 г.

*Людовик*¹

¹ Этот документ передан 21 января 1793 г. Генеральному совету Коммуны; он снабжен надлежащим входящим номером. Он был немедленно опубликован и раскупался нарасхват. В свое время высказывались сомнения в подлинности его; но Французский национальный архив сохранил до сегодняшнего дня собственноручно написанный Людовиком и составленный, очевидно, без всякой посторонней помощи подлинник. Никакого священника у него в то время не было.

Упомянутые в конце де Шамильи и Хю были его первыми камердинерами; они имели возможность пробыть с ним только непродолжительное время, были затем заключены в тюрьму Ла Форс, откуда они, благодаря капризной народной юстиции, были отпущены на свободу во время тюремного обыска, носящего название сентябрьских убийств. Шамильи все же был гильотинирован 26 июня 1794 г. Хю (1757-1819) принимал участие в попытках освобождения из тюрьмы Марии-Антуанетты; в 1806 г. он опубликовал в Лондоне свои ценные воспоминания о последних годах Людовика XVI.